

В.С.Мартьянов

ПРОГНОСТИКА ДАЛЬНЕГО ПРИЦЕЛА: В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО ДЛЯ РОССИИ И МИРА¹

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № МД-275.2009.6.

² Подробнее см. Кагарлицкий 2004.

³ Подробнее см. Мартьянов 2007.

В 1990-е годы Россия пережила «тихую революцию», помноженную на «холодную» гражданскую войну. Их реальные результаты не менее грандиозны, чем итоги Октябрьской революции начала XX в.

В свое время из разваливающейся аграрной империи Россия, заплатив огромную цену, превратилась в сверхдержаву, увлекшую своим примером полмира, шагнула из «периферийной империи»² в «советский модерн»³. Последствия постсоветской трансформации в основном негативны: распад страны, дискредитация прежних ценностей и символов, нарастание экономических дисбалансов, потеря международного влияния. И все же, несмотря на признаки стагнации, сегодня принято считать, что самое страшное позади и после шока рыночных реформ страна вступила в эпоху «стабильности» и «развития». Но не оборачивается ли такая стабильность элементарным застоєм, тонкой ледяной коркой над морем нерешенных проблем? Достигнут ли консенсус по поводу нового общественного договора, который лежит в основе любого жизнеспособного общества?

Откат постсоветской России на позиции глобальной полупериферии вызвал рефлексию по поводу «универсальных реформ», которые вместо «светлого будущего» завели страну в идейно-исторический тупик. Соответственно, стала ощущаться потребность в проектах, предлагающих новые сценарии развития России и обосновывающих алгоритмы достижения ею более справедливого места в миросистеме, адекватного ее экономическому, культурному и научному потенциалу.

За последние годы появилось множество подобных проектов, разработанных правительством РФ, Общественной палатой, научными институтами, экспертно-консультативными советами при органах государственной власти, отдельными учеными⁴. При этом, как справедливо замечает С.Караганов, «прогнозы, особенно те, что готовятся в недрах государственных учреждений, почти неизбежно подстраиваются под текущие идеологические постулаты»⁵. Будучи «инструментами информационного воздействия на экспертные и политические классы других стран и регионов»⁶, они многое говорят о нынешнем состоянии общества, его целях и ценностях, позволяя достаточно четко обрисовать те воображаемые образы будущей России, которые диктуют и легитимизируют нормы, ценности, императивы политической практики «здесь и сейчас».

⁴ См., напр. Ильин, Иноземцев 2001; Качинс, Тренин 2004; Россия 2005; Валлерстайн 2006; Введение 2006; Мир 2007, 2009; Мировая экономика 2007; Коалиция 2007; Дерлугьян 2007 и др.

⁵ Караганов 2007: 5.

⁶ Там же.

Вопрос о том, что делать дальше для реализации желанного образа будущего, давно является главным для российской властной элиты. Однако сколько-нибудь внятной стратегии, работающей на будущее, у нее нет — ведь не считать же таковой постановку технических задач вроде уже подзабытого удвоения ВВП к 2010 г. или стремления к 2015 г. догнать по среднедушевым доходам Португалию. Едва ли может выступать в этой роли и объявленный в 2008 г. курс на построение к 2020 г. «инновационной экономики»⁷, особенно с учетом того, что по вкладу человеческого капитала в создание общественного богатства Россия уступает сегодня не только развитым, но и многим беднейшим странам⁸.

⁷ Путин 2008; Медведев 2008.

⁸ Дмитриев 2007.

Несмотря на текущие проблемы — стагнацию производства, социальное расслоение, превалирование сырьевого сектора, взрывной рост внешних долгов частного бизнеса и полугосударственных корпораций, — отечественным интеллектуальным кругам волей-неволей придется задуматься о стратегических целях развития России. Стабилизация российского общества в 2000-е годы позволяет использовать при их определении методы средне- и долгосрочного прогнозирования, не срабатывавшие в 1990-е годы, в эпоху «большой трансформации». Наиболее остро стоящий сегодня вопрос — не что есть Россия «здесь и сейчас», но какой быть России будущего.

Попытки ответить на этот вопрос исходя исключительно из текущих тенденций заведомо обречены на провал. Довольно показательна в этом плане судьба подготовленной в 2008 г. Минэкономразвития «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.»⁹, с началом мирового финансово-экономического кризиса перешедшей из сферы научного прогнозирования в область фантастической футурологии. По мнению президента Института Национального проекта «Общественный договор» А.Аузана, такой поворот событий был неминуем: «Нужно было уходить от идей количественного расчета на столь длительный период со столькими факторами неопределенности... нужно было построить некий качественный образ будущего, а потом уже подводить его под цифирь. Что мы хотим иметь через двадцать лет? Великую энергетическую державу, военно-политическую державу, интеллектуально-культурного лидера в мире?»¹⁰

⁹ С текстом Концепции можно ознакомиться на официальном сайте МЭР РФ (<http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/myconnect/economylib/mert/welcome/pressservice/eventschronicle/doc1217949648141>).

¹⁰ Цит. по: Бенедиктов 2008: 39—40.

Гораздо более интересны попытки сценарных прогнозов. Один из таких прогнозов был разработан в 2006 г. политологами из МГИМО (У) МИД РФ, выделившими четыре альтернативных сценария развития России в период до 2020 г.:

- 1) «Кремлевский гамбит» — сохранение текущих тенденций, связанных с благоприятной конъюнктурой на мировом нефтяном рынке, усиление роли государства во внутривнутриполитических процессах;
- 2) «Российская мозаика» — дальнейшая децентрализация, территориальная дифференциация страны ввиду глубоких различий в степени успешности включения различных ее регионов в глобальную экономику;

¹¹ Мельвил, Тимофеев 2008: 66—85.

¹² Там же: 71.

¹³ Там же: 84.

¹⁴ Там же: 85.

- 3) «Крепость-Россия» — возвращение к ситуации враждебного внешнего окружения, формирование непотребительской экономики, возможное ограничение индивидуальных прав ради реализации коллективных интересов;
- 4) «Новая мечта» — осуществление глубокой модернизации, формирование среднего класса и ответственной перед обществом элиты, утверждение законов либеральной конкуренции¹¹.

Фиксируя эти четыре сценария, каждый со «своей интригой» и «своим „предельным“ сочетанием „драйверов“», отражающим «возможные ключевые бифуркации в российском и международном развитии»¹², участники проекта особо подчеркивали, что «представления о возможных альтернативных траекториях развития страны и мира глубоко встроены в идейно-политическое сознание современной России»¹³. Весьма показательным в этом отношении, что, согласно проведенным ими фокус-групповым исследованиям, в глазах большинства россиян наиболее реалистичным и вероятным сценарием сегодня выступает «проекция плана нынешней власти в будущее»¹⁴.

Иной «пучок сценариев» для России выделяют эксперты фонда ИНДЕМ, сфокусировавшие внимание на потенциально возможных изменениях политического дизайна в зависимости от стратегии взаимодействия элит. По их заключению, существуют три базовых сценария развития РФ к 2015 г.:

- 1) «Вялая Россия» (сценарий тихого инерционного угасания) — консолидация элит, под влиянием «инстинкта коллективного самосохранения» отказывающихся от решения задачи модернизации;
- 2) «Мрачная Россия» (сценарий диктатуры в централизованном государстве) — раскол элит, подавление одной элитарной группой, использующей в своих интересах правовую систему, остальных;
- 3) «Smart Russia» (сценарий демократического развития) — достижение консенсуса элит по поводу способов согласования интересов и урегулирования конфликтов, игра по правилам, устанавливаемым в соответствии с общепринятыми процедурами, адаптивность системы, обусловленная наличием политической конкуренции.

Гипотетически имеется и четвертый сценарий — «Распавшаяся Россия» (раскол и ожесточенное противостояние элит «по вертикали» и отсутствие консолидации «по горизонтали», правовой хаос ввиду распада единой системы права), однако, по оценке экспертов фонда ИНДЕМ, вероятность его реализации очень мала¹⁵.

¹⁵ Россия-2015 б.г.

На четыре потенциально возможных сценария развития России указывается и в «экономоцентричном» прогнозе группы «Сигма»:

- 1) «Рантье» — централизация перераспределения природной ренты через консолидированный государственный бюджет, увеличение его доли в общем объеме ВВП, проведение относительно эгалитарной патерналистско-популистской политики;
- 2) «Мобилизация» — развитие механизмов целевой перекачки ресурсов из сырьевых и перерабатывающих отраслей-доноров (нефте- и

газодобыча, металлургия) в прорывные направления (нанотехнологии, энергетика, машиностроение). Реализация этого сценария, во всяком случае на первом этапе, сопряжена с ограничением уровня потребления граждан и внутреннего спроса, что может привести к росту гражданского недовольства;

- 3) «Инерционный сценарий» — тактическое маневрирование существующих центров силы с целью сохранения приемлемого для них status quo. По сути, речь идет об отказе от развития и накоплении конфликтных противоречий и дисбалансов ввиду отсутствия какой-либо целевой стратегии;
- 4) «Модернизация» — комплексное институциональное преобразование общества, государства и экономики¹⁶.

¹⁶ Коалиции 2007: 69—83.

На наш взгляд, несмотря на серьезные различия между рассмотренными выше прогнозами, всем им присущ один и тот же недостаток. Все они исходят из логики институциональных каркасов и строятся на экстраполяции существующих трендов, что делает выделяемые в них сценарии чрезмерно инерционными.

Конечно, будущее никогда не вписывается полностью в предложенные сценарии — для этого оно слишком отличается от настоящего. Но применительно к сложным социальным системам формирование оптимальных сценариев будущего — первый и важнейший шаг к его реализации. Более справедливое будущее впервые проявляется именно как сценарий позитивных перемен. И эти переменные стимулируются не институтами и элитами, а прежде всего новыми общественными целями и ценностями. Релевантные сценарии возможного развития, построенные на основе методов качественного проектирования исходя из намечающихся в обществе устойчивых алгоритмов и закономерностей функционирования политики, экономики и идейной сферы, позволяют выработать стратегии, учитывающие долгосрочные интересы общества и нацеленные на поэтапное преодоление негативных тенденций, присутствующих «здесь и сейчас».

Разработка сценариев будущего для России осложняется тем, что на рубеже XX—XXI вв. принципиально изменился окружающий ее мир. Появились новые центры экономического притяжения и политической силы в виде Китая, Индии и Бразилии. США как мировой политический и экономический гегемон утратили безусловное лидерство. Конкуренция на экономических рынках все активнее глобализируется. Нарастают глобальные ядерные, террористические и экологические угрозы. Увеличиваются демографические и технологические диспропорции между Севером и Югом. Усиливается демографическое давление, при том что количество доступных природных ресурсов, пищи и воды неуклонно сокращается. Актуальным трендом является «разрыхление» системы суверенных наций-государств, которым все чаще приходится иметь дело с параллельными структурами в виде интеграционных образований, негосударственных и неправительственных организаций, транснациональных корпораций, социальных и религиозных движений,

террористических сетей и т.п., делиться с ними частью функций и суверенитета. Число нетрадиционных акторов постоянно растет, меняется и их роль в мировой политике¹⁷.

¹⁷ *Подробнее см. Макаренко 2007: 123—124.*

Будущее мира также многовариантно. Так, в относительно недавнем экспертном докладе Национального совета по разведке США «Глобальные тренды-2025» обозначены четыре сценария мирового развития: «Мир без Запада» (резкое падение мощи и влияния США), «Октябрьский сюрприз» (климатические изменения и обострение борьбы за ресурсы), «Возвышение БРИК» и «Глобализированная политика» (Politics is Not Always Local), предполагающая качественное усиление мировых взаимосвязей и зависимостей структур и институтов, действующих локально¹⁸. Но по какому бы пути ни пошло это развитие, несомненно одно: изменившейся России придется искать эффективные стратегии в не менее изменившемся мире. Перед лицом глобальных вызовов — экологических, технологических, демографических, конфессиональных, этнических — политические и экономические проблемы все больше приобретают интернациональный характер. Но, несмотря на общность фундаментальных проблем, стоящих перед человечеством, образы глобального будущего, способного обеспечить их решение, существенно варьируют. В этой ситуации откладывание «на потом» стратегического выбора собственного будущего чревато консервацией «вечного настоящего», запоздалым реагированием на внутренние и внешние угрозы.

¹⁸ *Global Trends s.a.*

* * *

В последние годы в российском обществе наблюдается всплеск интереса к описаниям будущего, в том числе в публицистическом, художественном и фантастическом жанрах¹⁹. В то же время научные изыскания в этой сфере часто подменяются суррогатами в форме поиска «национальной идеи» или «общенациональной идеологии» либо простым социологическим мониторингом ценностей современных россиян, прикладным анализом конкретных программ и выступлений политических лидеров.

¹⁹ *Юрьев 2007; Проект 2007/2009; De futuro 2008; Бестужев-Лада 2008; Делягин 2008; Войны 2008а, 2008б и др.*

Первый путь представляется уже не актуальным, поскольку в ситуации системного кризиса Модерна как базового политического проекта привычные модернистские идеологии в их чистом виде уходят на периферию общественной жизни. Второй, как правило, дает лишь ситуативный срез общественного сознания и циркулирующих в нем ценностей, мало что говорящий о перспективах развития российского государства и общества.

Многие исследователи склонны рассматривать будущее в парадигме перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, основанному на знаниях. Согласно теоретикам постиндустриализма, для него характерны технологии с высокой добавленной стоимостью, реализуемые на глобальном рынке, опора на интеллектуальный капитал, доминирование постматериальных потребностей, связанных со

²⁰ См. *Новая 1986*; *Белл 1999*; *Тоффлер 1999*; *Кастельс 2000*; *Уэбстер 2004*; *Иноземцев 1998, 2000, 2007* и др.

стремлением к самореализации, и «труд как творчество»²⁰. Однако актуальные достижения постиндустриализма относятся главным образом к внешней стороне человеческой жизни. Технический прогресс действительно увеличивает сумму открывающихся перед человеком возможностей и удобств в виде креативного труда и самозанятости (фрилансерства), невиданной ранее социальной мобильности, средств связи, отменяющих расстояния, качественной медицины, комфортного жилья, свободного доступа к бездонным хранилищам информации и т.п. Но можно ли трактовать подобные изменения как переход к чему-то кардинально новому, если структура общества, его ценности и мировоззрение остаются неизменными, если не ставятся принципиально новые цели?²¹

²¹ *Критику прогнозистических претензий постиндустриальной теории см. Цаплин 2006: 124—130.*

По большому счету, меняется лишь второстепенное: номенклатура существующих специальностей, относительное соотношение сферы производства и услуг, специализация национальных экономик, характер функционирования виртуализирующегося финансового сектора и т.д. Наступление постиндустриализма практически никак не сказывается ни на законах капиталистической мирозкономики, ни на типе государства, ни на человеческой морали. И тезис, что сегодняшний день лидеров мировой системы будет завтрашним днем всех остальных, является по меньшей мере спорным²².

²² *Подробнее см. Мартьянов 2008.*

В своих футурологических построениях отечественные сторонники постиндустриального прорыва исходят из предположения, что в постиндустриальное будущее можно «прыгнуть» и из полуразрушенной индустриальности классического Модерна. Структурно данная концепция подозрительно напоминает рассуждения народников о том, что наличие у России социокультурного ноу-хау в форме крестьянской общины как прообраза социалистической бесклассовой коллективности позволяет ей перейти от традиционного аграрного общества к социализму, минуя капиталистическую стадию. Поскольку явные глобальные преимущества у современной России отсутствуют, а объемы производства ключевых товаров едва начали приближаться к показателям РСФСР образца 1990 г.²³, подобный «прыжок» в ней может лишь имитироваться, существуя только в сообщениях СМИ, отчетах органов государственной власти и интеллектуальном пространстве ведущих мегаполисов.

²³ См. *Белая книга 2002*; *Фомин, Ханин 2009*; <http://www.gks.ru/wps/portal>.

Так или иначе, в подавляющей части современных российских футурологических концепций будущее предстает в лучшем случае длящимся настоящим, очищенным от присущих ему недостатков. В интеллектуальном пространстве нашей страны по-прежнему доминирует дискурс догоняющей модернизации, и такая ситуация сохранится до тех пор, пока общество не осознает необходимости перехода от стратегий вынужденной, консервативной реакции на внешние вызовы к стратегии проективных изменений.

Основная проблема заключается в том, что любой неинерционный сценарий является предложением обществу социально-политиче-

ского эксперимента, того, чего еще *не было* в его истории. Он всегда запускается через моральное неприятие, попытку преодоления привычного status quo. Однако даже в условиях глобального кризиса, отчетливо обнаружившего шаткость позиций России как «слабого звена» миросистемы, идеи пересмотра политического пути, весьма слабо коррелирующего с насущными задачами страны, остаются на периферии общественного сознания. Вопреки негативным социально-экономическим тенденциям, социологические замеры показывают незыблемость рейтингов дуумвирата Путина-Медведева, символически олицетворяющего собой нынешний политический курс²⁴.

²⁴ Сводная статистика 2009.

Как ни парадоксально, но, хотя большинство населения, политиков и экспертов не считают российское общество справедливым и не нуждающимся в «коррекции», доминирующие общественные силы, концепции и программы в современной России апеллируют преимущественно к прошлому и настоящему, избегая легитимации будущим. Добровольная «герметизация» идейного поля российской политики закрывает нашей стране дорогу в будущее, лишая людей образов идеального (желаемого) общества, к которому следует стремиться. Отсутствие конкурирующих социальных проектов, предлагающих пути достижения страной более справедливого и достойного места в мире, отвечающего ее далеко не полностью реализованному экономическому, культурному, научному потенциалу, лишает российское общество возможности оценить перспективы и варианты своего развития, определить для себя те цели, ценности и приоритеты, ради которых стоит работать на перспективу, не получая отдачи «здесь и сейчас».

* * *

Какой может быть идея будущего общества, заслуживающего того, чтобы за него бороться? Представляется, что в дискурсе о будущем ничто так не вводит в заблуждение, как поверхностные исторические аналогии. Между тем существенная часть российских политологов мыслит в парадигме «вечного возвращения». Споры ведутся лишь о том, куда надо возвращаться и как далеко от современности отстоит то роковое время, когда Россия сбилась с истинного пути. Для одних это ельцинский «либерально-анархический» период, для других — СССР, для третьих — Российская империя, для четвертых — Святая Русь до Никона и Петра I, для пятых — Россия, не испорченная татаро-монгольским игом... и далее вглубь веков. Еще более бесперспективны экскурсы в чужую историю и топологически параллельную современность иных государств (хотя сами по себе сравнения с «другим» полезны, так как только они могут объективировать субъекта познания и дать ему представление о «себе»). Ни один, ни другой подход не дает ответа на вопрос, чем является Россия «здесь и сейчас» и, тем более, какой она «должна быть». Будущее в своей сущности есть нечто совсем иное, нежели все, что было до него, — иначе оно вовсе не будущее, а являющееся до бесконеч-

ности прошлое и настоящее. Его нельзя почерпнуть в прошлом, вывести как механическую проекцию минувшего — не случайно все исторически известные футурологические проекты подобного рода потерпели поражение. Будущее есть новая эпистема, эпоха, парадигма, переход в которую возможен лишь как прыжок в неизведанное. И эффективный ответ на вызов будущего путем обоснования желательного для себя места в современности и в том, что за ней последует, каждому народу придется давать самостоятельно.

Едва ли оправдан и поиск причин и смыслов общественных изменений в политических формах организации общества. Что лучше — парламентская или президентская республика, монархия или прямая демократия, унитарное государство, федерация или конфедерация, одно-, двух- или многопартийность, выборы по одномандатным округам или по партийным спискам и т.д.? Споры на этот счет заведомо бесплодны, ибо сами по себе надстроечные политические формы не образуют самодовлеющей логики развития, которая объясняет, почему выбор был сделан в пользу того или иного варианта. Это лишь продолжения и институциональные фиксации более фундаментальных культурных, исторических, экономических процессов.

Сложность проблемы состоит в том, что политические трансформации в постбиполярном мире не всегда явно выражены институционально и не всегда могут быть адекватно описаны языком «великих идеологий». Более того, с теоретических позиций классического Модерна они не всегда носят формально политический характер. Такие «метаморфозы Модерна», как переход от классового к массовому (потребительскому) обществу, стирание различий между социальными группами и превращение их в виртуальные «группы населения», эволюция демократии в инфократию, трансформация массовых политических партий в «электоральные машины», трансгрессия привычных идеологий и ритуализация легитимирующих политику действий (выборов, референдумов, опросов), подмена волеизъявления народа политтехнологиями и лоббизмом, все больше ускользают от модернистских теорий, требуя разработки нового категориального аппарата.

Легитимация новых феноменов актуализирует и потребность в создании новых утопий. Современная утопия отличается от архаичного мифа только тем, что целенаправленно конструируется. Ее задача — трансформировать аксиологические основания общества путем его реморализации либо через нахождение политически эффективных заместителей морали в условиях перманентного «нравственного коллапса», в который капиталистическая миросистема ввергла мир, основанный на христианских ценностях. Но в случае успеха утопия становится новой традицией.

Современное общество фрагментируется и индивидуализируется. Его цели и ценности все больше дифференцируются, в то время как экономические процессы приобретают глобальный характер²⁵. Конкурентные преимущества любых отраслей сегодня определяются скорее

²⁵ Подробнее см. Бауман 2005.

на мировом, чем на «тепличном» внутреннем рынке, огражденном таможенными барьерами и различными налоговыми льготами. Обратная сторона такой «конкуренции на понижение» особенно заметна в «третьем мире», где глобализация оставляет человека один на один с беспощадной эксплуатацией. «Если страна в состоянии предлагать свои продукты по более дешевой цене потому, что она осуществляет политические репрессии, закрывает глаза на социальное угнетение и истязает свою окружающую среду, это не является проблемой ни либеральных экономистов, ни ВТО»²⁶.

²⁶ Джордж 2005а:
264—267.

Все это не способствует реанимации или созданию эгалитарных универсальных ценностей, которые могли бы уравновесить неолиберальную логику капитализма, распространяющую свою версию «человека экономического» как единственно легитимную. Не случайно попытки выработать новые социально-политические ценности сегодня связаны главным образом с деуниверсализирующими Модерн теориями постмодернизма, мультикультурализма, идентичности, а также всевозможными «национальными идеями».

Подобного рода теории с той или иной степенью успешности критикуют и размыывают базовые ценности Модерна. Однако выдвигаемые в них альтернативные ценности, как правило, делают упор на частное и особенное, тем самым отказываясь от претензий на всеобщность. Декларируя множественность моральных установок и подразделяя людей по культурным, языковым, географическим, экономическим, религиозным основаниям (что неизменно приводит к двойным стандартам и порождает новые неравенства), предлагаемые постмодернистскими учениями этические системы (если они вообще предлагаются), по сути, архаизируют современные общества. Как следствие, возникают различные варианты «частных» этик — национальных, этнических, корпоративных, мафиозных и т.п., не способных поддерживать целостность, разнообразие и достигнутый уровень свободы и возможностей для всех.

В результате постмодернизм становится не более чем способом критического самоописания Модерна, источником его системной дифференциации и самоусложнения. Используя терминологию Н.Лумана, можно сказать, что постмодернистские теории являются условием «автопойесиса», самосовершенствования Модерна, а вовсе не описанием того, что придет ему на смену. Это всего лишь критика Модерна, так и не создавшая альтернативную универсальность. Поэтому констатируемый Ж.-Ф.Лиотаром отказ от метанарративов²⁷ на практике оборачивается не освобождением от ложных метафизических авторитетов, а делегитимацией интеллектуальных и институциональных конструкций, позволяющих существовать сложному обществу Модерна. Обычные нарративы ничего в обществе Модерна не легитимируют, так как их производится слишком много, чтобы они могли консолидировать социум, который уже никто никогда не охватит одной идеологией, мифом, нарративом.

²⁷ Лиотар 1998:
9—12.

Несмотря на постмодернистскую и традиционалистскую критику, политический проект Модерна в значительной степени отождествляется идейно, институционально и исторически с делящейся современностью как открытым для изменений проектом. В итоге Модерн предстает как предельное по своим масштабам воплощение «всеобщего политического» современности. Его можно интерпретировать и как политическую макротеорию современности, продолжающую активно трансформироваться в своем особенном и частном. Поэтому конец биполярности стимулирует скорее очередную трансформацию привычного институционального Модерна, а не «конец истории» (Ф.Фукуяма) или, тем более, «социального» и «политического» вообще (Ж.Бодрийяр).

Глобализация Модерна принимает форму двойственного процесса, который, унифицируя человечество в планетарном масштабе, одновременно актуализирует различного рода культурные практики, разрушающие универсальность исходного европейского Модерна²⁸. Э.Гидденс прямо пишет о глобализации как о радикализации современности, переходе к «высокому», или «позднему», Модерну, охватывающему весь мир. Этот «высокий» Модерн характеризуется возрастающей динамикой социальных изменений и триумфом индивидуальности, радикально освобождающейся от всех прежних внешних регуляторов, что находит выражение в росте осознанной, «рефлексивной» социальной, приходящей на смену социальности, регулируемой обществом²⁹. К сходному выводу приходят эксперты Национального разведывательного совета США, рассматривающие глобализацию как «мегатенденцию», затрагивающую мир в целом и подтачивающую привычный модернистский порядок суверенных наций-государств, закрепленный Вестфальской системой: «Новая линия раскола будет проходить между теми странами и даже их отдельными частями, которые интегрируются в мировое сообщество, и теми территориями, которые не сделают этого по экономическим, политическим или социальным причинам. Для тех мегаполисов или центров деятельности, которые станут движущей силой глобализации, связывающие их финансовые каналы и телекоммуникации, возможно, получат не меньшее, а то и большее значение, чем национальные границы»³⁰.

В настоящее время неизбежность глобализации признают даже антиглобалисты. Поэтому объектом критики выступает уже не сама глобализация как процесс усиления экономической и политической взаимозависимости, но лишь ее «проклятая сторона», то есть совокупность сопутствующих ей издержек — экологических, социальных и проч.³¹ Но ценность подобной критики, справедливой в частном и особенном, серьезно снижается тем, что у анти- и альтерглобалистов отсутствует альтернативный проект, который они могли бы противопоста-

²⁸ Ланкин 2001.

²⁹ Giddens 1990.

³⁰ Россия 2005: 10.

³¹ См. Агинтон 2004; Альтерглобализм 2003; Эрикссон 2002; Бузгалин 2003 и др.

вить мироэкономике, основанной на принципах капитализма. Убедительно изобличая бесчеловечность и антигуманность неолиберальной логики мирового развития, антиглобалисты оказываются не в состоянии предложить что-либо взамен³².

³² См., в частности, возражения против неолиберальной модели развития в приложении к политическому памфлету «Доклад Лугано» (Джордж 2005б).

В современном глобализирующемся мире эффективная альтернатива актуальному политическому порядку не может не быть глобальной. Как верно отмечают М.Хардт и А.Негри (именующие такой порядок «Империей»), «в целях противостояния Империи и ее мировому рынку необходимо представить ей некую альтернативу на том же глобальном уровне. Любой проект частного изолированного сообщества, определяемого в расовых, религиозных или региональных терминах, отсоединенного от Империи, защищенного от ее влияний жесткими границами, обречен выродиться в гетто. Империи не может противостоять проект, основанный на принципах ограниченной, локальной автономии»³³.

³³ Хардт, Негри 2004: 195—196.

* * *

Судьба России во многом является и судьбой Модерна, а опыт ее развития в советский период — примером того, как периферийное общество в процессе модернизации может создать собственную версию Модерна. Но Россия не сумела полностью завершить свой переход к Модерну. В постсоветский период соответствующие признаки были во многом утрачены, и выпадение нашей страны из Современности будет означать лишь архаизацию и традиционализацию, возврат к прошлому, а вовсе не преодоление Модерна.

При всем том Россия, безусловно, может выступить в роли генератора новых принципов глобального Модерна — но лишь в том случае, если предложит решения, рассчитанные не только и не столько на нее самоё, сколько на мир во всей его полноте. Решения, позволяющие максимально полно реализовать возможности человечества в целом, а не каких-то отдельных его частей в ущерб другим — ведь социальные, религиозные, региональные, экологические и экономические неравенства в мире не сглаживаются.

Российская общественная мысль находится в поиске новых целей. Это запрос на непривычное, на то, чего еще не было. Именно в будущее смещаются научные интересы. Настоящее стало слишком прозрачным и предсказуемым, чтобы представлять теоретическую проблему, выходящую за рамки потока повседневных политических событий, которыми живут политическая публицистика, различного рода эксперты и «говорящие головы» на ТВ.

Назрела принципиальная смена проблемного фокуса российской политической науки. Этап роста, институционализации, знакомства с мировыми достижениями (и разочарования во многих из них) фактически завершен. Необходимо переходить к другому этапу. И в момент этого принципиального перехода возникает развилка возможных на-

правлений дальнейшего движения. Первый путь — удовлетвориться статусом «нормальной» (по отношению к существующим «универсальным» образцам) науки. Но такая нормальность обрекает отечественную мысль на вторичность и несамостоятельность в выборе ценностей и целей, на уровне политической философии. Второй путь — замкнуться в себе, трактуя универсальное как национальное. Наконец, третий путь связан с верой в то, что наше политическое как особенное может стать интересным для остального мира, а следовательно — всеобщим, породить новые ценности и цели если не в настоящем, то в будущем.

Будущее так привлекательно именно потому, что нынешняя Россия не демонстрирует каких-либо уникальных черт, способных претендовать на роль новых образцов. Проблема в том, что будущее начинается с утопии, которая не может иметь общих оснований с отрицаемым ею социальным бытием — в противном случае она будет зависима от всего того, что стремится опровергнуть, улучшить, изменить. Утопия — это всегда новая история, ценности и системы отсчета.

Следует признать, что в России сегодня нет проектов будущего, которые российское общество хотело бы действительно реализовать, не говоря уже о тех, в которые оно бы стремилось вовлечь остальное человечество. Пока постсоветская Россия не смогла сгенерировать ничего, что было бы воспринято внешним миром. Напротив, будучи экспортером ресурсов, она остается импортером нормативных стандартов. Эта ситуация требует изменения, поскольку без интеллектуального суверенитета в принципе невозможны никакие инновации. Но изменить ее можно, лишь изменив принципы и стандарты организации глобального Модерна как такового.

Рецепты, рассчитанные исключительно на Россию, уже не дадут ожидаемого эффекта, так как она является частью целого и ее состояние напрямую зависит от состояния миросистемы в ее политической тотальности. Необходимы рецепты, выходящие за рамки острова-России и обращенные к человечеству. Но заработать они должны именно «здесь и сейчас». Только тогда можно будет утверждать, что Россия предпринимает реальные попытки приблизить будущее, покончив с неолиберальным настоящим общества потребления, не сумевшего реализовать в глобальном масштабе заявленные цели и стандарты и потому нуждающегося в преодолении.

Любой, даже вариативный, сценарный прогноз инерционен, ибо строится на представлении о будущем как о делящемся настоящим. Но будущее есть то, что прерывает настоящее как радикальное иное. Будущее предполагает не прогноз, а конструирование. Цель активного конструирования будущего, в отличие от прогноза, не в точности предвидения. Цель в другом — дать обществу утопию, без которой оно не может жить. Обрисовать образ будущего, достижимого и желанного, но при этом качественно отличного от настоящего, будущего, к которому стоит стремиться. Без этого будущее не наступит никогда.

Библиография

- Агинтон К. 2004. *Альтерглобализм. Новые мировые движения протеста*. — М.
- Альтерглобализм: Теория и практика «антиглобалистского» движения**. 2003. — М.
- Бауман З.** 2005. *Индивидуализированное общество*. — М.
- Белая книга. Экономические реформы в России. 1991—2001**. 2002. — М.
- Белл Д.** 1999. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. — М.
- Бенедиктов К.** 2008. Дебаты «в нулевом чтении» // *Русский журнал*. № 1.
- Бестужев-Лада И.В.** 2008. *Россия в XX—XXI веках. 1917—2017. Трижды от колосса к коллапсу и обратно*. — М.
- Бузгалин А.В.** 2003. Альтерглобализм как феномен современного мира // *Полис*. № 3.
- Валлерстайн И.** 2006. Утопийское, или исторические возможности XXI века // *Прогнозис*. № 1.
- Введение в будущее. Мир в 2020 году**. 2006. — М.
- Воины креатива: Главная книга 2008—2012**. 2008а. — М.
- Воины креатива: Праведный меч**. 2008б. — М.
- Делягин М.** 2008. *Ревани России*. — М.
- Дерлугьян Г.** 2007. Четвертая Российская империя: истоки и перспективы // *Отечественные записки*. № 6.
- Джордж С.** 2005а. *Доклад Лугано. О сохранении капитализма в XXI веке*. — Екатеринбург.
- Джордж С.** 2005б. Приложение // *Джордж С. Доклад Лугано. О сохранении капитализма в XXI веке*. — Екатеринбург.
- Дмитриев М.** 2007. *Россия-2020: долгосрочные вызовы развития* (<http://www.polit.ru/lectures/2007/12/21/dmitriev.html>).
- Ильин М., Иноземцев В.** (ред.) 2001. *Мегатренды мирового развития*. — М.
- Иноземцев В.Л.** 1998. *За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире*. — М.
- Иноземцев В.Л.** 2000. *Пределы «догоняющего» развития*. — М.
- Иноземцев В.Л.** 2007. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века // *Постчеловечество*. — М.
- Кагарлицкий Б.** 2004. *Периферийная империя. Россия и миросистема*. — М.
- Караганов С.А.** 2007. Введение // *Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего*. — М.
- Кастельс М.** 2000. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. — М.
- Качинс Э., Тренин Д.** (ред.) 2004. *Россия: ближайшее десятилетие*. — М.
- Коалиции для будущего. Стратегии развития России**. 2007. — М.

- Лапкин В.В.** 2001. Размышления о соразмерности глобализации и модерна // Ильин М., Иноземцев В. (ред.) *Мегатренды мирового развития*. — М.
- Лиотар Ж.-Ф.** 1998. *Состояние постмодерна*. — М.
- Макаренко С.** 2007. Эволюция «государства-нации»: попытка деконструкции // *Космополис*. № 2(18).
- Мартьянов В.С.** 2007. *Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире?* — Екатеринбург.
- Мартьянов В.С.** 2008. Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная перспектива? // *Логос*. № 1 (64).
- Медведев Д.А.** 2008. *Речь на V Красноярском экономическом форуме* (<http://www.edinros.ru/news.html?id=127810>).
- Мельвиль А.Ю., Тимофеев И.Н.** 2008. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения // *Полис*. № 4.
- Мир вокруг России: 2017. Контурь недалекого будущего.** 2007. — М.
- Мир после кризиса: 2025 год.** 2009. — М.
- Мировая экономика: прогноз до 2020 года.** 2007. — М.
- Новая технократическая волна на Западе.** 1986. — М.
- Проект Россия.** 2007/2009. Кн. 1—3. — М.
- Путин В.В.** 2008. *Выступление на заседании Госсовета РФ 08.02* (<http://www.edinros.ru/news.html?id=127560>).
- Россия и мир в 2020 году.** 2005. — М.
- Россия-2015: судьба конституционно-политического устройства** (<http://www.anti-corr.ru/indem/2015/Cons2015.htm>).
- Сводная статистика оценки российских лидеров и положения дел в стране.** 2009 (<http://www.levada.ru/press/2009032501.html>).
- Тоффлер Э.** 1999. *Третья волна*. — М.
- Уэбстер Ф.** 2004. *Теории информационного общества*. — М.
- Фомин Д., Ханин Г.** 2009. Конец воображаемого советского благополучия // *Свободная мысль*. № 3.
- Хардт М., Негри А.** 2004. *Империя*. — М.
- Цаплин В.С.** 2006. Постиндустриализм: оправданы ли претензии? // *Социс*. № 4.
- Эрикссон Д.Ф.** 2002. Антиглобалистские движения: истоки, стратегии, состав, ресурсы // *Дискурс Пи*. № 2.
- Юрьев М.** 2007. *Третья империя. Россия, которая должна быть*. — СПб., М.
- De futuro, или История будущего.** 2008. — М.
- Giddens A.** 1990. *The Consequences of Modernity*. — Cambridge.
- Global Trends 2025: A Transformed World** (www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html).